

Серебряные слёзы

Степная

Милая, желанная, нежная, родная,
Светлая, прекрасная девочка степная!
Волосы как травы, мягки под рукой
И блестят как солнце утром над рекой.
Губы – это вишенка, спелая и сладкая.
Кожа, словно камешки, тёплая и гладкая.
Как река бурливая, гордая и страстная,
Как вода озёрная, тихая, но властная... –
Так шептал ей милый, каясь и лаская:
Без тебя, степная, для меня тоска...

* * *

Море хлеба
Смотрят с неба
Кучевые облака

Цветом синим
Словно тиной
Затянулись берега

Стонет ветер
Солнце светит
Сквозь огонь пшеницы

Лес по краю
Птичьи стаи
В отблесках зарницы

* * *

Дождь шёл и шёл, залив на небе
Чуть разгоревшийся рассвет...
Но весь прошёл, как будто не был.
И вновь лучами мир согрет,

Кукушкин слышен отголосок
В парящем мареве, в тепле,
И разноцветных семь полосок
Протянуты к родной к земле.

* * *

Я сегодня в окошко гляжу:
Не хочу выходить на волю.
О любви, наверно, пишу
А слова почему-то – о боли.

Оторвалась весной от корней
И к тебе не прижалась ветвями.
Может быть, любовь не на дне,
Но не в небе, и точно не с нами...

Трава

Травы сочные скошены,
Капли зелёные падают.
В поле колючем брошены,
Землю больше не радуют.

Море цветов завяло вдруг,
Стебли и листья сломлены.
Птицей летит одинокий луг
В ночь под тучею тёмною.

Серебряные слёзы

Я теперь так редко плачу!
Слёзы – словно серебро.
И душевных сил не трачу
Ни на зло, ни на добро...

Поцелуй

Поцелуй, невесомый, нежный,
Тёплым ветром зимою снежной
Прикоснулся к холодным щекам –
И остался подснежником там...

Записки сельчанки

Там, где растёт чабрец

Утром меня разбудил смелый солнечный лучик. Игривым зайчиком проскакал он по стенам, пощекотал нос и погладил тёплыми лапками глаза. Захотелось к солнцу, на природу. Наверно, сегодня подходящий день для сбора чабреца.

Чабер, чабрец, тимьян, Богородская трава – по-разному называют эту пряную и лекарственную траву. В моей семье чабрец – лекарство и совсем немного пряность. Добавишь щепотку тимьяна в горячее, и в комнату врывается воздушное сине-сиреневое лето. Чувствуя, что начинаю засыпать, быстро поднялась, надела лёгкий комбинезон и вышла в душное оглушающе-горячее утро.

Дорога, покинув село, превратилась в узкую петляющую тропку, а потом и вовсе затерялась среди степных трав. Одурманивает и окрыляет цветущая степь. Справа желтеет степная кувшинка, слева ослепительно-белым цветёт багульник, впереди раскинулось море цветущего седым ковыля, с плавающими куртинками шахматного рябчика или тёмно-розового клевера. Кажется, что не иду, а парю между бездонным небом и бесконечной степью.

И вот показался знакомый холм, у подножия которого лежит лужайка цветущего чабреца. Есть одна особенность у этого растения: распускается оно синим цветом, отцветает сиреневым. Я присела осторожно, чтобы не повредить кустики, и стала срезать соцветия.

Вдруг я посмотрела в сторону и увидела совсем рядом крупного светло-серого зайца. Он, прижав уши и затаив дыхание, только косил глазами в мою сторону. Я тоже замерла. Стала наблюдать за соседом. Наши переглядывания вскоре закончились, заяц прыгнул ко мне и через секунду ловко отлетел в сторону. От неожиданности я упала назад. А когда подняла голову, увидела, как заяц зигзагами «уходил» в степь.

А я, счастливая, долго лежала в духмяной траве и благодарила небеса за этот интересный день, в котором были солнце, травы и зайчик...

Шумок

Октябрь уже две недели по-хозяйски обнимал тучами горизонт. Наконец-то выдался ясный прозрачный день. Небо очистилось, и солнце высвечивало тёмные уголки, сияло в лужицах и повисших дождевых каплях.

Я чистила палисадник, до которого не дошли руки в сентябрьские погожие дни. Моя Катюшка по-хозяйски раскладывала посудку на низком широком пенёчке, а Шумок крутился рядом с ней. Работа шла медленно. Намокшая листва не хотела покидать привычное место, но я упорно тащила её и складывала в кучу.

Скоро от работы отвлекло хныканье и недвольный лепет дочки. Оказывается, Шумок

схватил зубами игрушечную кастрюльку и принялся закапывать её в куче прелой листвы. Я вернула игрушку законной хозяйке. Но через минуту то же самое, уже с ложечкой. Тогда я отругала Шумка и принялась снова за листву.

Когда я закончила работу и отложила грабли, над рыже-красными гроздьями рябины гудел шмель. Катюша играла, что-то бормоча под нос, а Шумок сидел у забора, повесив уши.

Идиллия продолжалась недолго. Неугомонный Шумок, зная, что ему строго-настрого запрещено покидать двор, пригнувшись, как шпион, пролез под забором и пополз к дороге. Сдерживая смех, я наблюдала за ним:

– Шумок, назад!

Щенок смешно подпрыгнул и медленно побрёл обратно. Обиженно посмотрев на меня, заполз в будку, лёг и закрыл глаза.

Погода начала портиться, видимо, октябрь снова решил взять её в свои руки. Солнце испуганно блеснуло и спряталось за тучу. Обхватив одной рукой дочку, а второй щенка, вошла в уютное сухое тепло дома...

Защитник

Июньский день, знойный уже с утра, принёс приятные хлопоты. Девчата, запасаясь коробками, спешили к конторе.

Соседка Лена на ходу крикнула:

– Привезли цыплят!

Прихватив пару коробок, я побежала следом за подругами.

У почтового отделения стояла большая крытая машина с надписью «Птицефабрика». В её кузове были большие деревянные ящики со щёлочками. Оттуда доносился звонкий несмолкающий писк. Этот звук сегодня не раздражал, а скорее бодрил, и хотелось заглянуть в ящики. Мужчина в ярко-жёлтой кепке открыл коробки, и маленькие жёлтенькие комочки приятно заскользили по рукам.

Получив полсотни пушистых цыплят, я, словно на крыльях полетела домой. Отпустив цыплят в невысокий, обитый сеткой вольер, решила покормить птенцов. Опустила ладошку с кормом к блюдечку и медленно высыпала пшено. Трёхдневные цыплята бодро кинулись его клевать. Лишь один, заскочив на руку, рассматривал меня, наклоня головку то в одну, то в другую сторону.

Цыплята росли быстро. Петя, так я назвала любопытного цыплёнка, заскакивал мне на ладонь, и укладывался, подогнув тонкие лапки. Не в силах отпустить ласкового друга, я брала его с собой на двор или в огород. Петя важно копошился рядом со мной, отыскивая зёрнышки и червячков.

Настал день, когда я выпустила молодых петушков и курочек из вольера. Почуввав свободу, они разбежались кто куда, и только Петя устроился на заборе, около открытого вольера.

Когда я наводила порядок, во двор, слегка пошатываясь, вошёл невысокий небритый мужчина. Сально улыбаясь, спросил:

– Девушка, вы не будете против, если я и мои друзья посидим у вас в беседке?

Я резко ответила:

– Конечно же, против. Речка рядом, идите туда и отдыхайте на здоровье!

Я отвернулась и снова принялась за работу. Мужчина чертыхнулся и больно схватил меня за плечо...

И тут вдруг Петя, громко хлопая крыльями, опустился на голову пьяного человека и стал рвать когтями давно не стриженные волосы. Мужчина, отпустив меня, пытался сбросить рассерженного защитника, но петушок ловко изворачивался. Он отпустил свою жертву лишь тогда, когда мужчина, пятась, выбрался за калитку. Громко ругаясь, он юркнул за соседний дом.

Растерянность прошла – я присела на крылечко и нервно рассмеялась. Петушок молча разглядывал моё лицо, наклоняя головку то в одну, то в другую сторону...

Маруська

Шесть часов утра. Густой туман приглушил звуки и запахи раннего утра. Холодок, покалывая, пробежал по позвоночнику. Хотелось вернуться в домашнее тепло.

Корова Апрелька замычала протяжно и призывно. Она свободно ходила по карде, её силуэт проглядывал через молочную белизну тумана, рядом в просторном вольере копошились куры, чуть подалеже в открытой клетке похрюкивали свиньи. Пока я доила корову, она смиренно стояла, лишь косилась на меня влажным карим глазом. Я накормила поросят и птицу и погнала скотину в табун. Возвращаясь домой, я уже не думала о сне – строила планы на предстоящий день.

И вдруг взгляд упал на дорожку, ведущую к палисаднику, на холодной каменной плитке сидел котёнок – маленькое тельце, прижавшись к забору, дрожало от влажной прохлады. Меня удивило, что малыш, несмотря на бедственное положение, не издавал ни звука, только смотрел огромными глазами, в которых отражалось матовое солнце, встающее за моей спиной. Заворожённая этим взглядом, я протянула раскрытую ладонь...

Кошечку я назвала Марусей. Серебристо-серая, тонкая, с острой, как у лисички, мордочкой, она напоминала фарфоровую статуэтку, стоящую у соседей на окне.

Маруську в доме полюбили все! Чистоплотная кошечка со спокойным ласковым характером не доставляла хлопот. Она хорошо кушала и быстро поправлялась, скоро её шкурка заблестела, как расплавленное серебро. Маруся любила сидеть на окне и, вытянув шейку, смотреть на улицу. Возвращаясь домой, я видела силуэт кошечки, и сердце наполнялось необыкновенной

теплотой и ощущением, что мой дом – это пристань во времени.

В начале осени в дом пробралась огромная серая крыса. Она поселилась в кладовке и хозяйничала там. Наглая и умная – легко обходила крысоловку и частенько проскальзывала на кухню через приоткрытую дверь.

Однажды я услышала странный шум на кухне и поспешила туда. Под столом сидела крыса. Маруська со вздыбленной шерстью кружила рядом с ней. Вдруг, издав горловой звук, крыса накинулась на котёнка. Перед глазами катался шипящий и пищущий шерстяной клубок. В стороны летели комки шерсти и брызги крови. Вооружившись кочергой, я хотела ударить крысу, но боялась попасть в Маруську.

Вскоре всё закончилось, крыса упал и, несколько раз дёрнувшись, затихла. Рядом с ней, на пол опустилась истерзанная кошечка.

Маруська умерла через несколько часов. Я ничем не могла ей помочь, только тихо плакала. Кошечка не издавала ни звука, смотрела на меня удивительными глазами, в которых отражались мои слёзы, капающие на неё...

Ненужная дружба

Капризный апрель – это про погоду нынешней весной. Один день светит такое яснокое солнце, что тают не только льды, но и сердца людей, а на другой – с неба сыплется смесь снега и дождя, дует холодный безжалостный ветер.

Наша гусыня Симка, обманутая очередной вспышкой хорошей погоды, нанесла яиц в сарае и уселась на них. То ли тепла не хватило, то ли терпения у Симки, но вывелся один гусёнок. Да и за ним молодая гусыня не стала ухаживать, бросила его в остывающем гнезде. Пришлось птенца забрать в дом.

А дома у нас уже жили маленькие питомцы. В нише между креслом и диваном, на мягкой подстилке, кошка Мурка кормила двух рыженьких котят, они сладко засыпали, согретые заботливой мамой. Гусёнок бочком-бочком подобрался к подстилке и полез в тепло – под бок Мурки. Кошка подняла лапу. И приняла ещё одного пушистого ребёнка. Котята и гусёнок росли быстро и были очень дружны и забавно играли.

Незаметно, махая цветными крыльями, улетела за горизонт непостоянная весна. Зеленоглазое лето заглянуло и вдохнуло жизнь в каждый уголок. По двору бегали цыплята, гусята, утята – молодое птичье царство. Телята и козлята бодались между собой – делили территорию. И только старый пёс Мухтар снисходительно наблюдал за молодняком, да кошка Мурка обходила стороной всё это неугомонное многоголосое общежитие.

Наша троица – два котёнка и гусёнок – держалась особняком. Гусёнок сильно подрос, покрылся белоснежными пёрышками и часто, с тоской глядя вдаль, хлопал крыльями.

Однажды в жаркий июльский день друзья вышли к речке. И тут гусёнок с наслаждением нырнул в воду и поплыл к стае таких же молодых, как он, гусей. Котята бегали по берегу, мяукали, звали товарища. Но он не вернулся, сбросил странную дружбу, как старое ненужное оперение...

Наш гусёнок не возвратился домой, а двух рыжих котят я часто видела на берегу, они играли и ловили серебристых рыбок в прозрачной голубой воде.

Скворец

Горячий июньский день потихоньку остывал и уже дышал влажным теплом, а не сухим жаром. Мы сидели с Николаем на крылечке и наслаждались воздухом, в котором растворился запах назревающего дождя.

Всё вокруг оживало и суетилось после знойного дня. Ласточки радостно мелькали над землёй, собирая урожай жирных мошек и комаров. Телята Мишка и Милка вылезли из-под навеса

и лениво щипали траву. Персик, рыжий здоровенный кот, потягиваясь, вышел из дома, по-хозяйски прошёлся по двору и полез по длинной и гладкой жерди, на конце которой торчал скворечник. Скворец, заметив опасность, перестал щебетать. Он закружил около кота, то приближаясь, то отлетая от него. Персик, висая на трёх лапах, четвертой пытался зацепить птицу.

Наконец-то оставив бесполезные попытки прогнать кота, скворец сел на жёрдочку и залившись «залаял», словно маленькая чёрная собачка вознеслась на высоту и прогоняла нахала, который лез к ней в будку. Кот остановился, повертел головой, потом быстро спустился и убежал, недовольно задрвав хвост. Заботливый папаша заглянул в скворечник, повертелся на жёрдочке и снова завёл свою песенку...

Стал накрапывать мелкий тёплый, как парное молоко, дождик. Белёсой занавеской закрыл от взора деревню и упал на лица влажной липкой сеткой капелек. А мы, обсуждая и удивляясь находчивости симпатичной птички, вошли в дом...